

* * *

Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где, до поры, тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

* * *

В долгом омуте метели
Тонет черная река.
К часу пушкинской дуэли
Нет ни брода, ни мостка...

Только белая пучина
Стонет, словно человек.
Только ягоды рябины
Тихо капают на снег.

Только, вдруг, заколыхавшись,
Щелкнет ветка у виска,
Будто выстрел, прозвучавший
Сквозь метельные века.

Поветшала скитская дубрава,
Понищал одеждами народ.
Лишь церквей намоленные главы
Золотят осенний небосвод.

Снова, Русь, в убогом одеянье
На заветный свет их
ты спешишь.
Века и природы увяданье –
Время для спасения души.

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

Митрополиту Константину (Горянову)

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах, сумняшеся ничтоже,
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаную вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предрержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятых танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.

Шел монах без усталы и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

БЕРЕЗЫ

Отъярились осенние грозы,
И забрезжались в ясной дали
Столь привычные взору березы –
Златокрылые светлы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,
Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страшась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Глядится высь в разлившееся Нево,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь,
яко с жизненного древа,
В поток небесный падают плоды.

И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.
И чудится,
что яблоки на водах,
В скопленье,
сочетаются в века.

И те века плывут,
плывут...
И встречно

Течет им
жизнь грядущая моя.
И я гляжу на яблочную вечность,
Преображаясь чудом Бытия.